

ДАНЗАНОВА Надежда Иосифовна

**ОРОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
(формы возвышенного рельефа)**

Специальность 10.02.22 – языки
народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов
Америки и Австралии (монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ

2012

Работа выполнена в отделе языкознания Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Сундуева Екатерина Владимировна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Санжина Дарима Дабаевна
кандидат филологических наук
Сутурина Людмила Юрьевна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств»

Защита диссертации состоится «29» февраля 2012 г. в 16⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 003.27.02 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН по адресу: г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «___» января 2012 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Цыбикова Б-Х.Б.

Общая характеристика работы

В географической терминологии как системе названий природных объектов отражены фундаментальные представления человека об особенностях ландшафта окружающей его природы. Данная работа посвящена комплексному изучению терминологии возвышенного рельефа в монгольских языках, определению основных принципов номинации. Этимологический анализ терминов позволяет восстановить образ, лежащий в основе внутренней формы и отображающий исходные воззрения человека на мир.

Актуальность избранной темы исследования определяется необходимостью систематизации и описания географического материала, так как орографическая лексика монгольских языков ещё не становилась предметом детального научного изучения. Системное изучение данного пласта географической номенклатуры имеет не только историко-лексикологическую, но и историко-культурную значимость как отражение развития духовной культуры монголов, истории социальных и экономических отношений в обществе, языковых, хозяйственных и культурных связей с другими народами. Необходимость сбора и изучения терминов, обозначающих элементы рельефа, определяется еще и тем, что они могут дать ценнейший материал о лексико-семантическом и структурном развитии лексических единиц монгольского языка.

Кроме того, орографическая терминология имеет свою специфику, обусловленную тесной связью с топонимическими образованиями. Топонимизация ландшафтной лексики, безусловно, создаёт большие возможности для её реконструкции по данным топонимии.

Возможность привлечения топонимов позволяет исследовать орографические термины в диахроническом аспекте, поскольку в топонимах зафиксированы не только фонетико-морфологические особенности термина, но и география его распространения. В силу особой устойчивости географических названий отражение в них терминов свидетельствует об их древности, архаичности. Историко-географическая характеристика объекта, который называет топоним с орографическим термином, позволяет уточнить семантику этого термина и показать возможности его семантического развития.

В качестве **объекта исследования** выступает терминология возвышенного рельефа монгольских языков.

Предмет исследования – особенности формирования терминологии возвышенного рельефа монгольских языков.

Цель диссертации – выявление специфики монгольской терминологии возвышенного рельефа и определение закономерностей функционирования орографических терминов. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- выявление инвентаря лексем, обозначающих элементы возвышенного рельефа;

- рассмотрение лексико-семантических свойств орографических терминов, семантических изменений и переходов внутри поля орографической лексики, а также между последним и другими семантическими полями в монгольских языках;
- установление признака, мотивирующего внутреннюю форму слова;
- анализ словообразовательной структуры терминов;
- установление топонимической активности рассматриваемых единиц.

Материал исследования извлечён главным образом из двуязычных, толковых, этимологических словарей, лингвистических работ, содержащих сведения о географических терминах в разных монгольских языках. В исследовании также использовались диалектологические и фольклорные материалы.

Выбор данного пласта географической терминологии обусловлен той неоценимой ролью, которую играли горы в духовной жизни кочевников. Известно, что горы занимают 2/3 территории Монголии, высота 32,4 % из них превышает 1600 м над уровнем моря. Это обусловило широкий спектр орографической терминологии, обозначающей разные виды возвышенностей – от пологих холмов степных и гобийских зон до отвесных скал Монгольского Алтая и Хангая. В данной работе рассмотрению подверглись положительные (выпуклые) элементы рельефа, т.е. неровности сухопутной и подводной земной поверхности, различные по формам, размерам, происхождению, возрасту и истории развития.

Для обозначения географических реалий используются термины: «географические апеллятивы», «топонимические апеллятивы», «топонимическая лексика», «ландшафтная лексика», «номенклатурные термины», «индикаторы», «детерминативы» и пр. Э. М. Мурзаев в своих работах данные слова обозначает как «местные географические термины», где определение «местные» подчёркивает то, что терминосистемы свойственны не лингвистическим общностям – языкам и диалектам, а территориям; определение «народные» указывает на не строго терминологический характер «терминов». Некоторые учёные не согласны с правомерностью применения слова «термин» к данному понятию. Однако географическим терминам присущи такие особенности, как системность, наличие дефиниции, отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность. Т.е. орографические термины обладают всеми необходимыми признаками научного термина за исключением одного: выражают понятие, выработанное не в результате целенаправленного изучения явления, а в результате повседневного опыта. В связи с этим, на наш взгляд, употребление понятия «орографический термин» отвечает специфике рассматриваемых явлений.

Методологическая и теоретическая основа диссертации. При анализе формальной и семантической стороны, классификации орографических терминов, мы основывались на теоретических и методологических подходах, развитых в исследованиях Н. И. Толстого, Л. Г. Невской, А. П. Дульзона, Э. М. Мурзаева, О. Т. Молчановой, В. А. Никонова, А. В. Суперанской, В. Н. Топорова, Л. В. Дмитриевой, О. А. Теуш и др.

Этой областью терминологии занимались такие исследователи топонимики монгольских народов, как В. А. Казакевич, В. Э. Очир-Гаряев, М. Н. Мельхеев, Л. В. Шулунова, Ц. Б. Жамсаранова. В. А. Казакевичем впервые была освещена основная нарицательная географическая номенклатура Монголии с указанием ареала распространения термина [1934]. Особо необходимо отметить исследования В. Э. Очир-Гаряева [1983 и др.], рассмотревшего влияние географической среды на семантику терминологии, описавшего культ гор и водных объектов у монгольских народов.

Материал по географической терминологии активно задействован в топонимических исследованиях Р. Г. Жамсарановой, О. Ф. Золтоевой, А. В. Ринчиновой, Ю. Ф. Прокопьевой, И. А. Дамбуева и др. В работе Л. Л. Абаевой рассматривается традиционная религиозная обрядность различных этнографических групп бурятского народа, связанная с культом гор [1992]. В число монгольских исследователей, занимавшихся проблемами географической терминологии, входят Х. Пэрлээ, Ш. Шагдар, Ч. Догсурэн, Э. Равдан, О. Сухбаатар и др.

Диссертация основывается на общенаучных принципах познания: анализе, синтезе, индукции, типологизации, аналогии и сравнении; на диалектическом принципе взаимосвязи объективного и субъективного, принципе системного и сравнительного анализа.

Поставленные в работе цель и задачи исследования определили и **методы** исследования. В представленной работе используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод компонентного анализа, а также метод количественного анализа и содержательной интерпретации материала.

Научная новизна заключается в том, что впервые в монголоведении проведено системное освещение специфического слоя лексики монгольских языков – терминологии возвышенного рельефа в аспекте ее формирования и развития. В диссертационном исследовании предлагается семантическая классификация орографических терминов, основанная на особенностях разграничения орографических объектов и существующей в орографии классификации рельефных форм: в порядке уменьшения величины форм рельефа. Выявлены лексико-семантические свойства терминов, способы их образования и особенности функционирования. Научное описание конкретной отраслевой системы позволило определить общие тенденции формирования орографической терминологии, выявить типологические характеристики лексических единиц, а также уточнить ряд закономерностей в процессе номинации.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что исследование особенностей функционирования орографических терминов в монгольских языках, определение мотивов номинации и способов словообразования позволили как выявить основные характеристики терминов, принципы формирования системы орографической терминологии, так и установить факторы, оказывающие влияние на формирование и

развитие конкретных лексических систем, определить специфику предметных знаний в области геоморфологии.

Работа вносит определённый вклад в разработку проблем номинации с учетом особенностей национального мировидения, что может способствовать решению таких вопросов, как соотношение языка и мышления, языка и культуры и др. Выявление системы терминов возвышенного рельефа, безусловно, способствует дальнейшему развитию общей теории монгольского языкознания.

Результаты исследования могут быть использованы для сравнения и анализа как аналогичных пластов лексики других языков, так и иных разрядов географической терминологии монгольских языков (гидрография, тельмография и пр.). Характеристика формально-структурных особенностей, установление исторических причин эволюции, определение места орографической терминологии в лексической системе языка, отражение лингвистических закономерностей и специфики употребления представляют интерес и для других лингвистических дисциплин (лингвистическая типология, историческая лингвистика, лингвостатистика и др.) в плане описания социальной природы языка, особенностей его развития и функционирования.

Практическая ценность работы. Фактический материал и положения диссертации могут быть использованы в исследованиях по общей и исторической лексикологии, лингвистической географии, топонимии. Кроме того, полезность настоящего исследования видится и для лексикографии при составлении специальных словарей географических терминов.

На защиту выносятся следующие положения:

- Терминологии возвышенного рельефа в монгольских языках в полной мере присущи любого рода ономаσιологические и семасиологические процессы, протекающие в сфере конкретной, денотативной лексики.
- Семантические изменения охватывают все сферы монгольской географической терминологии и закономерно сопровождаются переходом из одного класса терминов в другой. Использование в монгольских языках одного сегмента плана выражения для разных сегментов плана содержания свидетельствует о синкретическом типе восприятия, непротивопоставленности в языковом сознании семем 'отдельная возвышенность' – 'часть возвышенности', 'отдельная возвышенность' – 'цепь гор'.
- Особенностью данного пласта географической терминологии является отображение в лексемах зрительного восприятия формы орографических объектов.
- Среди терминов преобладают непроеизводные лексемы, восходящие к древним образным корням. Большое количество детерминативов возникло в результате перехода из сферы соматической лексики, а также в результате субстантивации прилагательных. Аффикация и словосложение являются нехарактерными способами образования монгольских орографических терминов.

Апробация работы. Основные положения исследования нашли отражение в докладах и выступлениях на ежегодной научно-практической конференции студентов БГУ (Улан-Удэ, 2007, 2008, 2010); Международной студенческой научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: История и современность» (Улан-Удэ, 2007, 2008, 2010); XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2008); Всероссийской научно-практической конференции «Языковое пространство города» (Улан-Удэ, 2010); 46-ой научной конференции по топонимике (Москва, 2011); Международном симпозиуме «Кочевые цивилизации и страны Дальнего Востока: диалог культур» (Улан-Удэ, 2011).

Основные результаты диссертации опубликованы в ряде научных статей по проблеме диссертационного исследования. Апробация представлена публикациями общим объемом 2,8 п.л. Из них 1 статья объёмом 0,5 п.л. опубликована в рецензируемом журнале.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения, библиографии и приложения, включающего перечень рассмотренных в работе терминов. Список использованной литературы включает 174 наименования.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность исследуемой проблемы, определяется объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, излагаются теоретико-методологические основы, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации.

В **главе I «Наименования отдельных орографических объектов»** проведена классификация терминов возвышенного рельефа: значения 77 лексем описаны с помощью шести семантических признаков: размер, форма, характер почвы, наличие / отсутствие растительности, местоположение и указание на объект как преграду.

В **§ 1.1 «Признак «размер»** рассматриваются общие родовые понятия, обозначающие такие типы отдельных возвышенностей, как 1) гора и 2) холм, бугор. Наиболее распространенным термином для обозначения горы как таковой является ср.-мо. *a'ula* [SH, NY], *ūla* [MA 372], *awla* [IM], *ayula* [LH], п.-мо. *ayula(n)* [Less. 17], мо. *уул* [БАМРС, IV, с. 364], бур. *уула* [БРС, I, с. 310], калм. *уула* [КРС, с. 541], ойр. Синьцз. *уула* [СЯОС, с. 360], орд. *ūla*, мог. *aula*, даг. *aul(a)*, *aule*, дунс. *ula*, бао. *ōle*, *ulə*, ж.-уйг. *ūla*, мнгр. *ula*, *ulā* [EDAL 276] 'гора, горы; хребет горный'. В Этимологическом словаре алтайских языков сопоставление Пмонг. **ayula* с Птунг. **agulān* 'поляна, равнина' и Птюрк. **aglak* 'поле, степь' основывается на общем значении 'необжитая, дикая местность' [EDAL 276]. В «Тайной истории монголов» (ТИМ) орографический термин *a'ula* является самым частотным и встречается 18 раз. В современной топонимии Монголии зафиксировано 38224 географических названия с детерминативом *уул*.

Термин п.-мо. *yolu*, мо. *ёл* ‘большая гора’ [Казакевич, 1934, с. 20; БАМРС, II, с. 135], в котором эксплицитно представлена семема ‘размер’, встречается в «ТИМ» в составе топонима *Uraq-jol-nud* [§94]. Семантику термина можно связать с корнем **yol / yal*, давшим бур. *ёлой-* ‘светиться, мерцать’, *ялагар* ‘блестящий, сверкающий’. Ср.-мо. *undur* [SH], п.-мо. *öndür* ‘высокий, возвышенный; высота; высоко’ [Kow. 62], мо. *өндөр* [БАМРС, III, с. 27] бур. *үндэр* [БРС, I, с. 310], калм. *өндр* [КРС, с. 416], ойр. Синьцз. *өндер* [СЯОС, с. 271] ‘высота, высь; возвышенность’, очевидно, возник в результате субстантивации прилагательного *өндөр* ‘высокий’, восходящего к корню *önd ‘нечто возвышающееся, выпуклое’.

Для обозначения холмов в монгольских языках используются следующие термины: ср.-мо. *obo'o* [SH, НУ], п.-мо. *обууан* [Kow. 370], *обууа(n)* [Less. 598], мо. *овоо* [БАМРС, II, с. 454], бур. *обоо* [БРС, II, с. 10], калм. *ова* [КРС, с. 391], ойр. Синьцз. *оваа* [СЯОС, с. 257], орд. *owō*, даг. *obō*, ж.-уйг. *owō*, мнгр. *ōbō* [EDAL 1059] ‘куча, груды (камней); насыпь; обоон; одинокая горка, холм’; п.-мо. *dobu, tobu* ‘бугор, холмик’ [Kow. 1818], мо. *дов* ‘бугор, холмик; взгорье; кочка’ [БАМРС, II, с. 44]; п.-мо. *tobung*, мо. *товон* ‘бугорок’ [БАМРС, III, с. 210]; п.-мо. *dobuᠰaγ*, мо. *довуцог* ‘возвышенное место; бугор, холмик, пригорок; курган’; п.-мо. *doburᠰaγ*, мо. *доворцог* ‘холмик’ [БАМРС, II, с. 45]; п.-мо. *tabuᠰaγ*, мо. *тавцаг* ‘холмик’ [Казакевич, 1973, с. 24]; п.-мо. *göbügür*, мо. *гүвгэр* ‘выпуклость, бугор, шишка’ [БАМРС, I, с. 466]; п.-мо. *göbüng*, мо. *гүвэн* ‘увал, гряда; бугорок, холмик’ [БАМРС, I, с. 467]; п.-мо. *gübege*, мо. *гүвээ* (Зап. Гоби) [Казакевич, 1934, с. 20; БАМРС, I, с. 467], бур. *гүбээ* [БРС, I, с. 229] ‘увал, гряда, кряж; сопка; бугор, холмик, холмогорье; возвышенность; юр’; ср.-мо. *boldaq* [SH], п.-мо. *bolduγ* ‘бугорок, сопка’ [Kow. 1199], мо. *болдог* [БАМРС, I, с. 257], бур. *болдог* [БРС, I, с. 136], калм. *болдг* [КРС, с. 106] ‘холм, бугор’; п.-мо. *bulduruu*, мо. *булдруу* ‘бугор, холмик, кочка, сопки’ [БАМРС, I, с. 285]; п.-мо. *güdüng*, мо. *гүдэн* ‘бугорок, холмик; кряж’ [БАМРС, I, с. 468] и др.

В § 1.2 «Признак «форма» освещаются вопросы, связанные с этимологией, словообразованием, топонимической активностью таких лексем, как п.-мо. *ᠵүмᠴисү*, мо. *цүмчис* ‘горка с остроконечной вершиной’ [БАМРС, IV, с. 281]; п.-мо. *ᠰибеге*, мо. *шивээ* ‘гора с острыми зубчатыми вершинами’ [БАМРС, IV, с. 349]; п.-мо. *ᠰибден аюла*, мо. *шүвдэн уул* ‘длинная и узкая гора’ [БАМРС, IV, с. 383]; п.-мо. *ᠰору*, мо. *шор* ‘одиноко торчащая вершина горы’ [БАМРС, IV, с. 370] и др. Гору с куполообразной вершиной называют п.-мо. *түнтүгер*, мо. *түнтэгэр* ‘досл. выпуклый, надувшийся’; *бөмбөгөр уул* досл. ‘выпуклая, куполообразная гора’. Увал обозначается лексемами: п.-мо. *dörülj*, мо. *дөрөлж* ‘увал’ [БАМРС, II, с. 64]; п.-мо. *quva*, мо. *ухаа* [БАМРС, III, с. 298], бур. зап. *ухаа* [БРС, II, с. 311]; п.-мо. *ᠴав*, мо. *цав* [БАМРС, IV, с. 240].

П.-мо. *γorbi*, мо. *горви* имеет два противоположных значения: ‘возвышенность, возвышение, выпуклость’ и ‘впадина, ложбинка’ [БАМРС, I, с. 437], которые, вероятно, восходят к разным этимонам. Так, в *горви* // *гурви* ‘резьба, борозда, ложбина’ выделяется образный корень *γurb ‘нечто

тонкое и длинное’, давший следующие формы: *гургар*, *гурзгар* ‘длинный и тонкий’, *гурзай-* ‘становиться тонким, худым, как палка’, *гуралза-* ‘двигаться (о ком-чём-л. тонком, худом, напоминающем палку)’. Значения же *горви* ‘возвышенность, возвышение, выпуклость’, на наш взгляд, можно сопоставить с *оргил* ‘вершина’, *орхогор* ‘остроконечный’.

В § 1.3 «Признак «характер почвы» указанный признак чётко прослеживается в ряде терминов, содержащих указание на: 1) каменистый; 2) песчаный; 3) глинистый характер почвы (п.-мо. *sonduy*, мо. *сондог* ‘глинистый холм, поросший кустарником’). В монгольских языках представлены следующие лексемы, номинирующие скалы, утёсы: п.-мо. *qada* [Kow. 770], мо. *хад* [БАМРС, IV, с. 12–13], бур. *хада* [БРС, 1973, с. 529], калм. *хад* [КРС, с. 565], ойр. Синьцз. *хада* [СЯОС, с. 377], орд. *хадa(n)*, даг. *хадa*, *хад*, *хадe*, дунс. *Gada*, ж.-уйг. *Gada*, мнгр. *Gadā* [EDAL 629]; п.-мо. *bajiča* [L 73], мо. *байц* [БАМРС, I, с. 219], бур. *байса* [БРС, I, с. 107]; п.-мо. *čokiю-a*, мо. *цoхиo* ‘утёс, скала’ [БАМРС, IV, с. 265] и др.

Песчаный характер почвы отражён в п.-мо. *barqan*, мо. *бархан* ‘песчаный холм’ [БАМРС, I, с. 234]; п.-мо. *balay*, мо. *балаг* ‘дюны’ [БАМРС, I, с. 220]; п.-мо. *balар*, мо. *балар* ‘дюны’ [Казакевич, 1934, с. 16]; п.-мо. *тагqan*, мо. *манхан* [БАМРС, II, с. 322], ойр. Синьцз. *маңхан* [СЯОС, с. 226] ‘бархан’; п.-мо. *sebkigül*, мо. *сэвхүүл* ‘бугор, дюна’ [БАМРС, III, с. 150]. П.-мо. *göligen*, мо. *гөлөөн* ‘бархан’ [БАМРС, I, с. 444] соотносится с образным корнем *göl, давшим *гөлгөр* ‘гладкий, отшлифованный, отполированный, зеркальный; ровный, плоский (в данном случае – о поверхности бархана)’.

В § 1.4 «Признак «наличие / отсутствие растительности» рассматриваются лексемы со значением ‘голец’ п.-мо. *sariday*, *sarday* [Less. 675], мо. *сарьдаг*, бур. *харьдаг* ‘голец, безлесная горная вершина; ал. Саяны; эхир. крутая скала; унг. горная цепь, горный кряж’ [БРС, II, с. 554]; п.-мо. *yang*, мо. *ян* [БАМРС, IV, с. 464]. Бур. *мундарга* [БРС, I, с. 562] возник от образного корня *tund ‘нечто округлое, выпуклое, тупое’, давшего п.-мо. *тондуур*, мо. *мондгор* ‘круглый, тупой’; п.-мо. *töndüger*, мо. *мөндгөр* ‘круглый’ и др.

В п.-мо. *qalja*, мо. *халз* ‘холм, возвышение; просека’ [БАМРС, IV, с. 26] прозрачна связь с корнем *qalj / *qalč*, образовавшим современные формы: мо. *халзан* ‘лысый; прогалина’, *халцгай* ‘со скудной, короткой растительностью; редкий (о травах, мехе), голый, с редкой растительностью’ и др. Также на отсутствие растительности указывают сложные термины: мо. *халцмай хад* ‘гладкая, голая скала’ [БАМРС, IV, с. 31] и *хувхай уул* ‘голая, обнажённая гора, лишённая растительности’ (Центр. и Вост. Халха) [БАМРС, IV, с. 156], где мо. *хувхай* ‘засохший; голый, скудный растительностью’.

Семема ‘наличие растительности’ чётко обозначена в дефиниции двух терминов: п.-мо. *sonduy*, мо. *сондог* ‘глинистый холм, поросший кустарником’ [БАМРС, III, с. 111] и п.-мо. *balар*, мо. *балар* ‘возвышенности, заросшие непроницаемым кустарником’ [Казакевич, 1934, с. 16].

§ 1.5 «Признак «местоположение» посвящён анализу терминов со значением ‘одинокая гора на равнине’, в роли которых активно используются субстантивированные прилагательные, указывающие на «одиночество» и особенность орографического объекта, или сложные термины, состоящие из основного детерминатива и данного определения: п.-мо. *qayiday*, мо. *хайдаг* ‘одинокий, только один; отдельная вершина, пик посреди равнины’ [БАМРС, IV, с. 18]; п.-мо. *oorčuy*, мо. *оорцог* ‘отдельно, одиноко возвышающаяся вершина; пик посреди равнины’ [Казакевич, 1934, с. 25]; п.-мо. *önčin toluyai*, мо. *өнчин толгой* ‘одинокая сопка’ [БАМРС, II, с. 485]; п.-мо. *soluy ayula*, мо. *солог уул* ‘выдающаяся, стоящая одиноко гора’ [БАМРС, III, с. 109]; мо. *оңц(гой) уул* ‘особая гора’; *гойд уул* ‘особенная гора’; мо. *содон уул* ‘бросающаяся в глаза гора’.

Также здесь рассматриваются лексемы со значением ‘остров’, в которых выделяется основной дифференциальный признак ‘местоположение в воде’: ср.-мо. *aral* [SH, MA 104], п.-мо. *aral* [Less. 44], мо. *арал*, бур. *арал*, ойр. Синьцз. *арал*, калм. *арл*, орд. *aral*, даг. *alla, aral*, дунс. *aran*, бао. *alər, arən*, ж.-уйг. *aral*, мнгр. *rāl, ral, arā(r)* [EDAL 314]; п.-мо. *olturiy* [Kow. 409], мо. *олтриг* [БАМРС, II, с. 474], бур. *олтирог* [БРС, II, с. 25]. Полуостров в монгольском языке обозначается с помощью п.-мо. *qoyiy*, мо. *хойг* [БАМРС, IV, с. 95] и сложного слова *хагас арал* досл. ‘пол-острова’ [БАМРС, I, с. 124].

В § 1.6 «Признак «преграда» выделена небольшая группа лексем, содержащих указание на то, что объект воспринимался как препятствие, помеха на пути. Среди них следует отметить п.-мо. *γačay-a*, мо. *гацаа* ‘скалистая гора; гора, с которой вытекают несколько рек’ [БАМРС, I, с. 395]. Другое значение термина ‘узкий проход между водным пространством и скалой’ продиктовано глагольной основой *γača-* ‘защемить; преграждать’, оформленной продуктивным формантом *-γa*. Взаимосвязь между значениями ‘скалистая гора’ и ‘узкое пространство между водой и скалой’ может быть основана на интерпретации скалистой горы (а также горы, с которой вытекают несколько рек) как преграды, препятствия при продвижении вперёд. Однако корень **γač / γač* также можно сопоставить с образным корнем **γad / qad* ‘нечто остроконечное, торчащее’, давший рассмотренный выше термин *qada* ‘скала, утёс’. Это подтверждают значения мо. *гацаа* ‘вертикальные столбики у перил, столбы, связанные перекладинами; частокол; ограда из столбов, изгородь из живых деревьев’, *гацуу* ‘столб (врытый в землю)’, бур. *гасуу* ‘спицы (у саней); кол’, мо. *гацуур / гачуур*, бур. ал. *гасуур* ‘ель, ёлка’.

Значения ‘преграда, помеха, препятствие’ заложены в п.-мо. *boγut-a*, мо. *боом* ‘мыс, выдающаяся скала’ [БАМРС, II, с. 263], *боом* ‘выдающаяся в сторону скала на берегу реки’ [Казакевич, 1934, с. 16], рассматриваемая как производное от глагольной основы *boγu-* ‘заграждать, преграждать, препятствовать’, и в п.-мо. *tegeg*, мо. *тээг* ‘холм, небольшая горка (у которой один склон пологий, а другой крутой)’ [БАМРС, III, с. 298]. В данном случае мы имеем дело с метонимическим переносом по сходству выполняемых функций от *тээг* ‘предмет, за который зацепляют что-либо; зацепка’.

Следует отметить, что интерпретация горы как препятствие на пути в целом не характерно для мировоззрения монгольских народов. Напротив, горы представляются как ядро ландшафта, точка концентрации человеческого внимания и активности.

Таким образом, многообразная монгольская терминология возвышенного рельефа распределяется в соответствии с признаком, лежащим в основе номинации орографического термина. При этом признак нами выявлялся как на основе внутренней формы лексемы, так и на основе русскоязычной дефиниции. Многие термины содержат указания на разные признаки, поэтому отнесение их к тому или иному разделу, несомненно, допускает вариации.

Словообразовательный анализ рассмотренных терминов показал, что 38 % составляют производные образования, при этом некоторые из них обладают затемнённой внутренней формой (*уул*, *байц*, *хойг*). Нами предложены версии о происхождении ряда терминов, большая часть которых связана с восприятием формы и размера орографических объектов (*гүвэн*, *шор*, *цав*, *хад*, *дов* и др.).

С помощью древних, ныне непродуктивных аффиксов образованы лексемы (12 %): *доворцог*, *сарьдаг*, *мундарга*, *олтриг*, *булдруу* и др. К относительно новым аффиксальным терминам можно отнести *өндөрлөг* 'возвышенность'. В результате процесса субстантивации прилагательных образовано 26 % лексем (*өндөр*, *түнтэгэр*, *гүвгэр*, *хавцгай*). С помощью лексико-семантического способа словообразования возникли такие орографические термины, как *ширээ*, *тэвш*, *дөш*, *уушги*, *боом*, *тээг* и пр. (9 %). И, наконец, лексико-синтаксический способ дал такие образования, как *сэрвэн хад*, *бөмбөгөр уул*, *халцмай хад*, *өнгийм хад*, *солог уул*, *өнчин толгой* и др. (15 %). Как видно из примеров, основным компонентом подобных терминов являются собственно орографические термины, зависимый же компонент вносит уточнение (указание на те или иные особенности).

В главе II «Обозначения морфологических элементов орографических объектов» в качестве основных элементов отдельной возвышенности нами рассматриваются вершина или гребень горы, ее склоны и подножие. На процесс их номинации в монгольских языках, как и во многих других языках мира, накладывались представления монголов о горе как человеку, реже животному, свидетельствующие о том, что горы являлись духовно наиболее близким компонентом окружающей их природы. В связи с этим в § 2.1 «Собственно орографические термины» рассмотрены термины общей лексики, в том числе переносные названия. Номинация вершины горы могла происходить с двух позиций: при восприятии горы сверху вниз и при восприятии снизу вверх. В первом случае возникли такие обозначения верхушки, как *түрүү* 'голова', *эхин* 'начало' и, по всей видимости, все образные названия: *гозон*, *шовх*, *шовгор*, *таг*. Зрительное восприятие горы снизу вверх обусловило появление таких терминов, как *үзүүр* 'окраина', *туйл* 'предел'. Набор лексем, характеризующих остроконечные вершины, включает 5 наименований (*гозон*, *шовх*, *шобхой*, *шовгор*, *цогцгор*). В нашем

материале зафиксировано лишь одно название для плоской вершины (*таг*) и ни одного специально для округлой вершины. Хотя термины *орой*, *оргил*, *үзүүр*, этимологически восходя к образу ‘острый’, на современном этапе развития языка номинируют вершину горы в целом.

Для обозначения крутых склонов используются термины п.-мо. *кеё* [Less. 440], мо. *хэц* [БАМРС, IV, с. 229], калм. *кец* [КРС, с. 297], даг. *кеёи*, дунс. *qecsa* [EDAL 656] ‘склон; покатость’; п.-мо. *кейгүүи*, мо. *хэжүү* ‘пропасть; обрыв; покатость’ [БАМРС, IV, с. 207]. Значение корня *кеё ‘нечто наклонённое в сторону’ восстанавливается на основе бур. *хэсы*- ‘наклоняться (на сторону)’: *халхинда хэсы*- ‘наклоняться от ветра’. Примечательно, что в бурятском языке термины *хэсэлүүр*, булаг. *хэсээбэри* ‘склон, косогор’ [БРС, II, с. 525] образованы от ныне уже не функционирующих глаголов *хэсэл*- / *хэсэ*- ‘ехать, идти по склону’. Ср. мо. *бэллэ*- ‘двигаться по косогору’, *ташаалсхий*- ‘идти по склону’, *ёроолдо*- ‘перемещаться по подножью’ и пр.

Значение ‘обрыв’ выражается с помощью термина п.-мо. *keyisbüri*, мо. *хийсвэр* / *хийс* [БАМРС, IV, с. 82], мотивированный глагольной основой *хийс*- ‘падать, слетать, сдуваться (ветром)’. Подобный мотив номинации наблюдается в синонимичном термине п.-мо. *qalil*, мо. *халил* ‘крутой скат, обрыв, круча, крутизна, пропасть’ [БАМРС, IV, с. 27] от глагола *хали*- ‘летать’, *нисэл халил* ‘пропасть’ (от *нис*- ‘лететь’).

Также в монгольских языках представлен ряд терминов, использующихся для номинации пологих склонов, косогоров: п.-мо. *tasiyu*, *tasir*, мо. *ташуу*, *ташир* [БАМРС, III, с. 206], *ташлан* [Равдан, 2008, с. 65], бур. *ташуу газар* / *ташалан(г)*, *ташалуур* [БРС, I, с. 236–237], калм. *ташу* [КРС, с. 483], ойр. Синьцз. *ташуу* [СЯОС, с. 125] и пр. Признак ‘ровный (о скате)’ отражен в п.-мо. *döl*, мо. *дөл* [БАМРС, II, с. 61]; п.-мо. *dölügen*, *dölügeken* [Kow. III, с. 1921], мо. *дөлөөн* [БАМРС, II, с. 61], калм. *дөлэн* [КРС, с. 209]. Бур. *налюур* ‘склон, покатость; спуск’ [БРС, I, с. 590] представляет собой результат субстантивации прилагательного *налюур* ‘покатый, отлогий’.

К корням **dab/deb/tab* восходят термины п.-мо. *dabčang*, *tabčang*, *debčeng*, мо. *давцан*, *тавцан*, *дэвцэн* ‘склон; скат горы, уступ’ [БАМРС, II, с. 17], п.-мо. *debseg*, мо. *дэвсэг* ‘плато, терраса, уступ, склон, скат’ [БАМРС, II, с. 98]. В других монгольских языках подобных терминов нами не зафиксировано, однако значения бур. *табсан* ‘низенький столик (перед божницей или для посуда); ступенька, помост; ступень’ [БРС, II, с. 220] позволяют выделить в качестве основного признака терминов признак ‘плоский’ (ср. бур. *тэбхы*- ‘быть ровным’), т.е. значение ‘уступ’ было первичным, ‘ступенчатый, террасированный склон’ – вторично. То же можно сказать и о п.-мо. *tegtürge* [Kow. 33], мо. *тэгтэрэг* ‘уст. отвес, скат, наклон, плоскогорье’ [БАМРС, III, с. 281], ср. кирг. *тегтир* ‘ровное место в горах’ [Никонов, 1978, с. 90]. Значение корня **teg(t)* ‘плоский’ сопоставимо с рассмотренным выше термином *тау* ‘плоская вершина горы’.

В данном разделе представлены также термины, связанные с процессом движения вверх и вниз по склону. Связь п.-мо. *ögsügür*, мо. *өгсүүр* [БАМРС, III, с. 10], бур. *үгсүүр* [БРС, II, с. 321], калм. *өгсүр* [КРС, с. 412], ойр. Синьцз. *өгсүү* [СЯОС, с. 268] ‘постепенно возвышающийся; подъём горы’ с глагольной основой *өгс-* ‘идти вверх; подниматься на гору’ достаточно прочна и не затемнена словообразовательными, фонетическими и другими модификациями. Мо. *буур* ‘склон; спуск горы возле самого подножия’ [Казакевич, 1934, с. 17] происходит от глагола *буу-* ‘спускаться’. Лексема п.-мо. *boyir-a*, мо. *бойр* ‘спуск, склон, скат горы’ [БАМРС, I, с. 255] и бур. *боори* ‘возвышенность, возвышенное место; подножие горы’, *боорихон* ‘маленький склон’ [БРС, I, с. 141] представляют собой фонетические варианты термина *буур*. Ойр. Синьцз. *торца* ‘мыс, выступ горы’ [СЯОС, с. 334] соотносится с глагольной основой *тор-* ‘наткаться на что-л., задевать; спотыкаться, зацепиться’. По всей видимости, на ровном склоне горы выступ рассматривается как ‘нечто, за что можно зацепиться, обо что можно споткнуться’.

Подножие, подошва горы именуется с помощью лексем: ср.-мо. *xiru'ar* [HY 51], *xira'ur* [SH], *hiruar*, *hirur* [MA], пкл.-мо. *iruɣa:r* [Tum. 419], п.-мо. *iruɣal*, *iruɣar* ‘дно (сосуда, моря, колодца и пр.); грунт земли’ [Kow. 321], мо. *ёроол* [БАМРС, II, с. 141], бур. *оёор*, калм. *йорал*, ойр. Синьцз. *йораал*, орд. *iröl*, даг. *xigör*, ж.-уйг. *horül* [EDAL 1136].

В калмыцком языке лексема *сүүр* имеет не только основное значение ‘основание, база, фундамент’, но и переносное: *хадын сүүр* ‘подошва скалы’ [КРС, с. 565]. Примечательна форма в языке ойратов Синьцзяна: *суу* ‘подножие, основание (горы)’: *Алтаан баруун сууда нутаглаха* ‘располагаться кочевьями у правого подножия Алтая’ [СЯОС, с. 303], которая, возможно, возникла в результате выпадения конечного согласного *p* в лексеме *суурь*, равно как и в термине ойр. Синьцз. *өгсүү* ‘подъём горы’. В халха-монгольском и бурятском языке развитие значения происходило не в сфере орографии, а в сфере ойкографии: *суурь* ‘место, на котором можно жить, поселение; стан, помещение, жилище; гурт’ [БАМРС, III, с. 137].

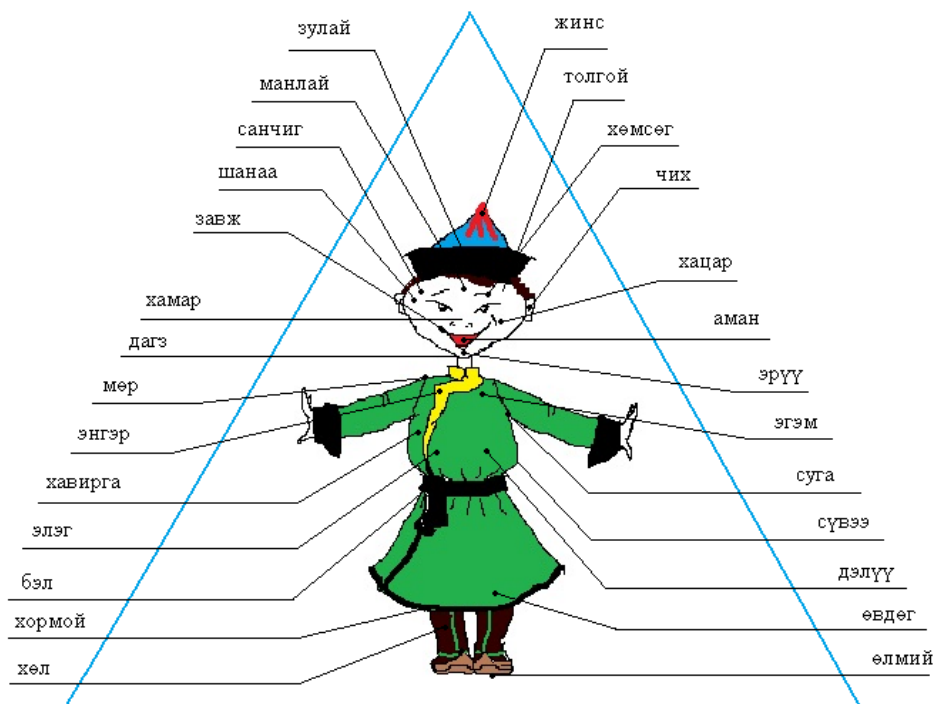
Та же линия развития семантики в ойр. Синьцз. *уңги* ‘основание; подошва горы’: *дөрвөлжин хадиин уңгида дөнен хара серке* ‘у основания квадратной скалы четырёхгодовалый чёрный козёл’ (*өнес* ‘замок’) [СЯОС, с. 355]. В русском языке также распространён термин *основание горы*.

Наиболее распространённым термином, манифестирующим семему ‘пещера’ безусловно, является п.-мо. *ауи* ‘пещера, вертеп, подземельная яма’ [Kow. I, с. 29], мо. *агуй* ‘пещера, грот, подземелье’ [БАМРС, I, с. 43], бур. *агы* ‘пещера, грот, впадина (в горах или скалах); подземная яма’ [БРС, I, с. 36], калм. *ауи*, *aG*, *āG*, орд. *aG^wī*, даг. *agui* [EDAL 274]. У О. М. Ковалевского в значении ‘пещера’ отмечено п.-мо. *kömügei* ‘пещера в горе’ [Kow. 32], в то время как в современных языках п.-мо. *kömüge*, мо. *хөмөг*, *хавцгайн хөмөг* имеет значения ‘обрыв под скалой’ [БАМРС, IV, с. 136], бур. *хүмэг* ‘ущелье, теснина, расселина’ [БРС, II, с. 489]. Корень **qongg* ‘нечто вогнутое, впалое’ дал п.-мо. *qonggil*, мо. *хонгил* ‘впадина, углубление; узкое ущелье, падь;

пещера' (при первом значении 'дупло') [БАМРС, IV, с. 104], бур. *хадын хонгил* 'пещера, впадина в скале' [БРС, II, с. 441], калм. *хадын көңгл* 'пещера в скале' [КРС, с. 565]. Для обозначения вершины горы используется 13 терминов, склонов горы (косогоров, обрывов, террас) – 37, подножия – 5 и, наконец, пещеры – 4 термина.

§ 2.2 «Взаимодействие терминов, обозначающих части горы, с терминами, номинирующими части тела человека» посвящён изучению результата антропоморфизации гор в орографической терминологии. Большинство терминов-метафор составляют единицы, в основу которых положен признак формы. Горы отождествляются монголами с божеством в облике человека, поэтому каждая часть горы имеет свое название соответственно анатомическому строению человека.

Рассмотренные термины позволили представить гору в виде человека следующим образом:

Словообразовательный анализ 101 термина данной главы показал доминирующую позицию лексико-семантического способа словообразования, с помощью которого образовано 42 % всех единиц. Из них к терминам, перешедшим из сферы соматической лексики, относится 91 %. 8 терминов (мо. *шовх, таг, хийс, дөл, бур. ганга, майла, ойр. Синьцз. эң, хэв*) являются производными и представляют собой субстантивированные образные корни. В 4 терминах (мо. *гохон, давцан, тавцан, дэвцэн*) корни, стремясь к субстантивации, оформились конечным согласным *-н*. 7 детерминативов можно отнести к условно производным, ныне не

разложимым на морфемы, однако на древнем этапе языка они были образованы с помощью словообразовательных формантов. Среди них *мо. орой < or-ui, агуй < аг-ui, үзүүр < үҗ-egü-r, гэчүүр < geč-igü-r, шовхлои < šobq-u-lai, булчим < bulč-i-m*. Бур. *хэбэд* разложимо на корень *keb и суффикс *-d*, который появился в результате редукции форманта *-deg*. Таким же образом произошёл термин *naki-d < naki-day*.

К производным лексемам нами отнесено 8 терминов, которые образованы от глагольных основ посредством словообразовательных суффиксов, в данном случае придающих значение ‘место действия, обозначенного производящей основой’: *-вар*: *мо. хийсвэр* ‘обрыв’ от *хийс-* ‘падать’, *бур. хэсээбэри* ‘косогор’ от *хэсэ(л)-* ‘идти по склону’; *-уур*: *мо. хэсэлүүр* ‘косогор’ от *хэсэл-* ‘идти по склону’, *үгсүүр* ‘склон’ от *үгсэ-* ‘подниматься вверх’; *-р*: *мо. буур, бойр* ‘склон’ от *буу-* ‘спускаться’; *-л*: *мо. халил* ‘круча’ от *хали-* ‘парить, летать’; *-ц*: *ойр. Синьцз. торца* ‘выступ’ от *тор-* ‘спотыкаться’. 3 термина образованы с помощью лексико-синтаксического способа словообразования: *тас газар, дөлөөн газар* и *хэлбүү газар* ‘пологий склон’. Как видно, все они состоят из прилагательного и общего формализованного элемента *газар* ‘земля’. И, наконец, 12 терминов произошли в результате субстантивации прилагательных: *шовгор, цогцгор, хэжүү, ташуу, ташир, дөлөөн, налюур, марьян* и др. Один термин *тай* ‘вершина’ отнесён нами к китаизмам.

Исследование топонимического материала позволило прийти к выводу, что, несмотря на активное функционирование терминов данного раздела в составе оронимов, они не всегда выступают в том значении, в котором нами рассматривались в данной главе. При этом следует отметить такую тенденцию: если интересующая нас лексема выступает в роли главного компонента географического названия, то ещё есть вероятность того, что объект назван по его составляющей части (склон, подножие и пр.). В случае же если лексема находится в роли, зависимой от другого детерминатива, то она зачастую указывает либо на орографический объект в целом, либо на его размер или форму (округлую, выступающую и пр.). В данном случае в сфере монгольской орографической лексики конкретизируется широко распространённый в географической терминологии переход ‘часть целого’ – ‘целое’. Закономерно, что в целом топонимическая активность терминов данного раздела ниже, чем активность детерминативов, представленных в I главе.

В главе III «**Названия комплексов орографических объектов**» рассматриваются термины, обозначающие горные страны, хребты, перевалы и седловины. § 3.1 «**Неметафорические термины**» посвящен анализу лексем, непосредственно восходящих к образным корням, а также образованных с помощью аффиксального способа словообразования. Среди них п.-мо. *altai*, мо. *алтай* ‘горная страна, изобилующая снеговыми вершинами, грандиозными хребтами и высокими долинами, где всегда прохладно и сыро, а растительности, годной для скота, меньше, чем в плодородном «хангае»; альпийские луга; горные кочевья’ [Казакевич, 1934,

с. 15]; п.-мо. *qangγai*, мо. *хангай* ‘местность с прохладным климатом, рыхлой почвой, поросшей травянистой растительностью, а по склонам гор – лесами, с большим количеством ручьев, рек и озер’. Семантика термина проясняется благодаря тому, что в калмыцком языке *хаңһа* имеет значение ‘громадный, огромный’ [КРС, с. 576], в языке ойр. Синьцз. распространён вариант *хаңһар* ‘обширный, величественный’ [СЯОС, с. 385].

П.-мо. *kobči* [Less. 475], мо. *хөвч* [БАМРС, IV, с. 126]; бур. *хүбшэ* ‘цепь гор, горный массив, горный хребет; тайга’ [БРС, I, с. 479]. В языке ойр. Синьцз. *көбчи* выступает только в интересующем нас значении ‘горный хребет’ [СЯОС, с. 203], а в калмыцком языке дается примечательная помета: *көвч* ‘горный хребет (похожий на лук)’ [КРС, 1977, с. 310]. В EDAL Пмонг. **köbeči* сопоставляется с Птунг. **kipe-* ‘вздуться, распухать; холм, бугор; выпуклый’, Птюрк. **güre(ne)* ‘стог сена’, Пяп. **кэтри* ‘шишка, горб’ и Пкор. **kòp-*, **kup-* ‘быть изогнутым’ [EDAL 723]. Алтайские параллели позволяют выявить дифференциальный признак образного корня **kòb* в составе данной лексемы: ‘нечто выпуклое; выступающее над поверхностью’. Ср. мо. *хөвдгөр* ‘выдавшийся вверх, возвышенный’, мо. *гүвгэр* ‘выпуклый; мостовидный’ и др.

Также известны термины: ср.-мо. *keru* [SH, NY], п.-мо. *kira* ‘низменный горный хребет’ [Kow. 2546], мо. *хяр* ‘гребень (возвышенности); макушка; горная цепь, предгорье’ [БАМРС, IV, с. 236]; п.-мо. *kingγ-a*, мо. *хянга(н)* ‘отвес, крутизна; гребень (горы, хребта); горная местность’ [БАМРС, II, с. 235]; бур. зап. *зудан* ‘невысокий покрытый лесом хребет’. Семантический переход ‘цепь гор’ > ‘цепь гор, заросших лесом’ > ‘лес, тайга’ считается одним из универсальных семантических сдвигов, характерных не только для монгольских, но и для тюркских, тунгусо-маньчжурских, угро-финских, индоевропейских языков.

Семема ‘перевал’ представлена в лексемах: ср.-мо. *dabaan* [SH], п.-мо. *dabayān*, мо. *даваа(н)* [БАМРС, II, с. 8], бур. *дабаан* [БРС, I, с. 247], калм. *дава* [КРС, с. 173], ойр. Синьцз. *даваан* [СЯОС, с. 110] ‘горный перевал’; п.-мо. *kütel*, *kötül* ‘горный проход’ [Kow. III, с. 2589], мо. *хөтөл* ‘холм, небольшая отлогая горка; невысокий перевал; седловина, скат; покатость’ [БАМРС, IV, с. 148], бур. *хүтэл*, *нахид хүтэл* ‘невысокий перевал; холм, косогор; седловина’ [БРС, II, с. 504], калм. *көтл* [КРС, с. 319], ойр. Синьцз. *көтел* ‘курган, холм; горный перевал’ [СЯОС, с. 210]; п.-мо. *öli*, мо. *өл* ‘низкий перевал; возвышенное место на небольшом перевале; небольшой бугорок’ [БАМРС, III, с. 14], бур. вост. *үлэ* ‘уст. остановка на дороге через горный перевал (в самой высокой его точке, где обычно совершали обряд жертвоприношения)’ [БРС, I, с. 337].

Для номинации горного отрога употребляются формы п.-мо. *salaya*, мо. *салаа* ‘ответвление; приток реки; углубление между пригорками; балка; отрог, ответвление основной горной цепи’ [БАМРС, III, с. 75]; п.-мо. *salburi*, мо. *салбар* ‘отделение; приток; отрог горы’ [БАМРС, III, с. 77], образованные от глагольной основы *сал-* ‘отделяться, удаляться, отклоняться’. Бур. *һалаа* ‘ветвь’ используется только в гидрографии ‘рукав у реки, приток’, *һалбар* –

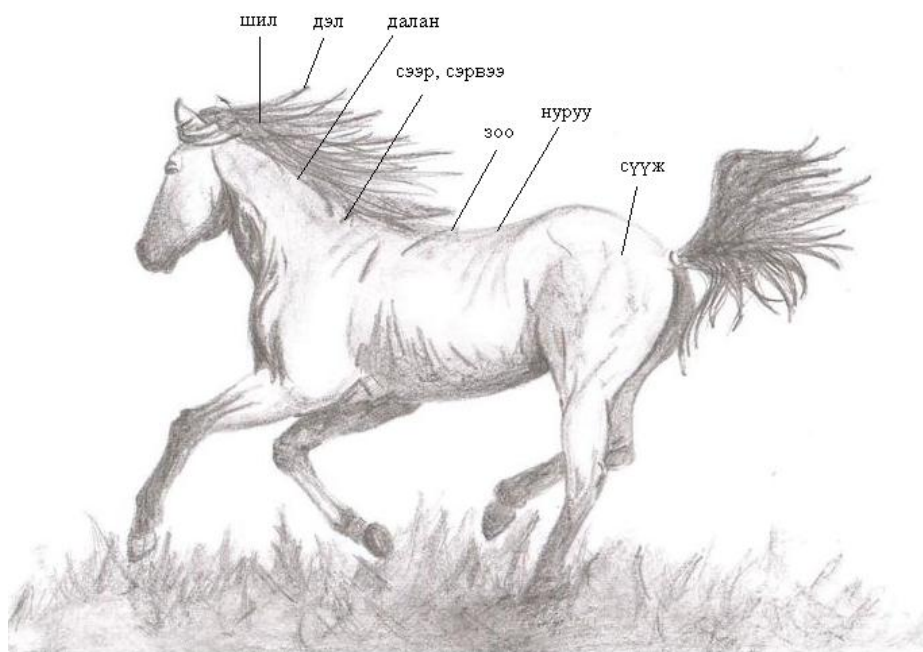

не функционирует ни в оро-, ни в гидрографии [БРС, II, с. 541, 542]. В калм. *сала* представлены значения 'развилка; рукав реки; балка, ложина, ложбина', но нет 'отрога' [КРС, с. 436], ойр. Синьцз. также *салаа* 'ответвление; балка, овраг' [СЯОС, с. 284].

Мотивировка значения 'отрог' глаголом 'отделяться' выглядит оправданной, поскольку отрог представляет собой относительно короткий и узкий горный хребет, отходящий от крупной горной цепи и понижающийся к ее периферии. Причина развития значений 'углубление между горками; балка; овраг', по всей видимости, кроется в том, что все перечисленные реалии являются преградами, ограничивающими свободу передвижения по местности, т.е. разветвляют, разделяют ее на части.

Три термина, обозначающих седловину, восходят к корню **nak* 'нечто согнутое, изогнутое дугою': п.-мо. *nakid* // *nakiday*, мо. *нахид* // *нахидаг* [БАМРС, II, с. 401], бур. *нахид* [БРС, I, с. 596] 'седловина (между гор), склон, пологий скат', п.-мо. *накиуи*, мо. *нахиу* 'седловина между гор' [БАМРС, II, с. 401]. Другой термин п.-мо. *боуица*, мо. *богоч* 'седловина' [БАМРС, I, с. 251] можно сопоставить с образными формами: *богдгор* 'низкорослый, приземистый', *богзой-* 'быть коротким, низким'.

В § 3.2 «Функционирование терминов, обозначающих части тела животных, в сфере орографической терминологии» представлен ряд метафорических терминов, обладающих значениями 'шея, спина', поскольку горные хребты в мировоззрении древних людей отождествлялись с шеей и спиной в зооморфных кодах. Схематически состав терминов данного раздела можно изобразить следующим образом:

Таким образом, можно прийти к выводу, что большинство рассмотренных терминов относится к обозначению частей тела животных (за исключением *гээг* 'затылок; коса'), в то время как отдельная гора предстает в виде человека.

В данной главе проанализировано 37 терминов, при этом следует отметить, что нами не рассматривались наименования долин, ущелий, впадин, которые, наряду с терминами равнинного ландшафта, станут предметом дальнейшего рассмотрения. 37 % орографических терминов составляют метафорические названия, подавляющее большинство которых имеет значение 'спина', что представляет собой лингвистическую универсалию. Также одной из универсалий является обнаруженный в данном разделе переход «гора – лес». В обозначениях горных стран наблюдается мотивировка по размеру (обширный, просторный), в обозначениях горных хребтов – указание на разрушительную деятельность (*хяр*, *хянга*). Термины, обозначающие перевал, в целом соотносятся с образом 'возвышенный, выпуклый'. К непроизводным следует отнести формы *хяр*, *өл*, *хөвч*, конечным *-н* оформлены термины *хярган*, *зудан*, *амхан*. Ныне непродуктивные аффиксы представлены в *алтай*, *хөхий*, *адарга*, *нахидаг* и др. 12 % относятся к отглагольным производным, словообразовательная структура которых прозрачна на данный момент: *даваа* 'перевал' от *дава-*, *салаа* 'отрог' и *салбар* 'отрог' от *сала-*. Наконец, в результате субстантивации в сферу орографии перешли формы: *хангай* 'обширный' → 'плодородная местность', *хангил* 'широкий' → 'гольцы', *нахиу* 'вогнутый' → 'седловина', возможно, *аараг*, *аариг* 'гряда холмов' (19 %).

В **заключении** обобщаются результаты исследования. Орографическая терминология представляет собой значительный пласт лексики монгольских языков, поэтому ей в полной мере присущи любого рода ономаσιологические и семасиологические процессы, протекающие в сфере конкретной, денотативной лексики. Результаты исследования показали, что основному фонду монгольских терминов возвышенного рельефа, включающему 230 единиц, в целом присуще единство лексического состава при довольно большом многообразии семем, относящихся к каждой конкретной лексеме. Богатство спектра значений тех или иных терминов, зафиксированное лексикографическими источниками, обусловлено цепью происходящих в них семантических сдвигов.

Проведение классификации орографической терминологии осложнялось синкретичностью семантики орографических терминов. В данной работе как на основе внутренней формы лексемы, так и на основе русскоязычной дефиниции выявлялся инвариант значения термина, согласно которому мы могли отнести его к тому или иному разделу. Выделены три большие группы орографических терминов, называющих отдельные возвышенности, их морфологические элементы и их комплексы.

Безусловно, семантические изменения охватывают все сферы монгольской географической терминологии и закономерно сопровождаются переходом из одного класса терминов в другой. Именно поэтому одной из задач нашей работы было установление наиболее полного набора семем, относящихся к конкретной лексеме в общемонгольском масштабе и выявление на этом основании ряда «семантических цепей». Исследование показало, что одни лексемы обладают чрезвычайно широкой амплитудой

колебания значений, другие термины устойчиво связаны со сравнительно узким кругом значений, т.е. имеют минимальное количество звеньев семантической цепи.

Закономерно, что в рассматриваемой сфере наблюдается тесная связь орографической терминологии с другими терминологическими сферами, в частности обозначениями частей тела и внутренних органов человека и животных, элементов одежды и предметов быта и пр.

Словообразовательный анализ орографических терминов показал, что среди терминов преобладают непроеизводные лексемы, восходящие к древним образным корням и свидетельствующие о важности зрительного восприятия формы географической реалии. Большое количество детерминативов возникло в результате перехода из сферы соматической лексики, а также в результате субстантивации прилагательных. Аффиксация и словосложение являются малохарактерными способами образования монгольских орографических терминов.

Система орографических терминов занимает важное место в топонимической системе монгольских языков. Эти термины обладают способностью вступать в синтаксические связи с другими лексическими единицами, тем самым образуя большое количество составных географических названий. В силу особой устойчивости географических названий отражение в них терминов свидетельствует об их древности. Историко-географическая характеристика объекта, который называет топоним с орографическим термином, позволила уточнить семантику этого термина и показать возможности его семантического развития.

Наблюдения над ареалом распространения орографических единиц показали, что большая часть слов известна во всех монгольских языках. Отмечены также лексемы, имеющие ограниченную территорию распространения и единично зафиксированные. В целом изучение орографической номенклатуры, извлеченной из различных источников, в том числе «Тайной истории монголов», способствовало выявлению закономерностей номинационных процессов в монгольских языках. Определение возможностей монгольских языков для построения терминологических систем имеет не только национально-историческое, но и интернациональное значение, поскольку процесс номинации обнаруживает универсальные черты.

Анализ лексем, обозначающих различные формы рельефа, с точки зрения семантического наполнения, особенностей этимологии раскрывает не только богатство и выразительные возможности древнемонгольского языка, но и взаимоотношение этноса с миром в древний период. Мировоззрению монгольских народов присуща вера в то, что от облика ландшафта, в частности, орографического объекта, близ которого происходит перекочевка, зависит их судьба. Этим обусловлена чрезвычайная детализация рассматриваемого пласта терминов.

Таким образом, интерпретированная в диахроническом аспекте орографическая терминология является надежным источником для выявления процессов формирования и развития монгольских языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

**Статья в журнале, рекомендованном ВАК
для публикации основных положений кандидатской диссертации**

1. *Гармаева, Н. И.* Структурно-семантическая характеристика монгольских оронимов с цветовым компонентом / Н. И. Гармаева // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Филология. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – Вып. 10. – С. 85–88.

**Статьи в сборниках научных трудов
и материалах научных конференций**

2. *Гармаева, Н. И.* Психолингвистические особенности цветообозначения у монгольских народов / Н. И. Гармаева // Азиатско-Тихоокеанский регион: История и современность: материалы междунар. студ. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2007. – С. 176–179.
3. *Гармаева, Н. И.* Символика цвета в Монголии, Китае, Индии / Н. И. Гармаева // Вестник молодых ученых. – Улан-Удэ, 2008. – С. 28–35.
4. *Гармаева, Н. И.* Культурно-национальная специфика цветовосприятия (опыт психолингвистического эксперимента) // Студент и научно-технический прогресс: материалы XLVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2010. – С. 68–69.
5. *Гармаева, Н. И.* Священные горы Монголии / Н. И. Гармаева // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: материалы науч. сессии, посв. 60-летию со дня рождения д.ф.н., проф. Л. В. Шулуновой. – Улан-Удэ, 2011. – С. 205–208.
6. *Гармаева, Н. И.* Цветовая символика оронимической лексики монгольского языка / Н. И. Гармаева // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: материалы межвузовского метод. семинара, 26 нояб. 2010 г. – Улан-Удэ, 2010. – Вып. 6. – С. 92–97.
7. *Гармаева, Н. И.* Оторонимические названия аймаков Монголии / Н. И. Гармаева // Языковое пространство города: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 18 нояб. 2010 г. – Улан-Удэ, 2010. – С. 25–27.
8. *Гармаева, Н. И.* Оронимическая лексика как источник этнокультурной информации / Н. И. Гармаева // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики: материалы межвузовского метод. семинара, 24 марта 2011 г. – Улан-Удэ, 2011. – Вып. 3. – С. 34–38.
9. *Гармаева, Н. И.* Свидетельства материально-культурных ценностей кочевых народов в топонимии Монголии / Н. И. Гармаева // Кочевые цивилизации и страны Дальнего Востока: диалог культур: материалы междунар. симпозиума, 6-8 сент. 2011 г. – Улан-Удэ, 2011. – С. 254–256.